

Ежегодник Японии 2020. Т. 49. С. 191-217.

Yearbook Japan 2020. Vol. 49, pp. 191-217.

DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10008

Военное японоведение на Дальнем Востоке России в начале XX в.

В. Г. Дацышен

Аннотация. Статья посвящена проблемам становления и развития военного японоведения в начале XX в. Ее актуальность обусловлена тем, что современные проблемы российско-японских отношений во многом определяются военным противостоянием и многочисленными войнами и конфликтами, имевшими место в первой половине XX в. Военные пришли в японоведение одновременно со становлением высшего японоведческого образования в России. Офицеры расквартированных на Дальнем Востоке частей русской армии изучали японский язык и Японию вместе со студентами, и в начале XX в. их число было примерно равным. Первые военные японоведы отдавали приоритет науке и образованию перед службой в армии или успешно совмещали их. Совместное обучение офицеров и студентов оказало большое влияние на все стороны жизни и деятельности Восточного института, вызывало недовольство как профессорско-преподавательского состава, так и российского военного руководства. Несмотря на большие успехи в деле подготовки офицеров-японоведов в Восточном институте, первоначальная система японоведческой подготовки была подвергнута реформированию, но заложенные принципы и традиции в целом сохранились до революции 1917 г. Статья написана на основе архивных и опубликованных документов Восточного института с привлечением научных трудов первых русских офицеров-японистов. Исторический опыт достижений японоведческого образования и науки интересен и актуален для современных российско-японских отношений.

Ключевые слова: японоведение, Приамурский военный округ, Восточный институт, офицеры-японисты.

Автор: Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор. Институт востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва,

ул. Рождественка, д. 12; Сибирский федеральный университет, Красноярский государственный педагогический университет.

E-mail: dazishen@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6471-8327

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»)

Military Japanese Studies in the Far East in the Early 20th century

V. G. Datsyshen

Abstract. The article is devoted to the problems of the formation and development of military Japanese studies in the early 20th century. Its relevance is related to the fact that current problems of the Russian-Japanese relations are rooted in the political confrontation and numerous wars and armed conflicts between the two countries which erupted in the first half of the 20th century. The military have joined Japanese studies since its establishment in Russian higher education. Officers of the units of the Russian army stationed in the Far East studied Japanese and Japan together with university students – in early 20th century the ratio of military and non-military students was almost 50:50. The first military specialists in Japanese studies either gave priority to research and education over military service, or successfully combined both.

Joint training of officers and university students had a great impact on all aspects of life and work of the Oriental Institute, while causing criticism from both senior faculty managers and the high-ranked Russian military. Despite great success in the officers' training at the Oriental Institute, the initial system of Japanese studies training was reformed, though its principles and traditions were preserved until the 1917 revolution. The article was written on the basis of archival and published documents of the Oriental Institute, with the usage of academic works of the first Russian officers specializing in Japanese studies. The historical experience of the Japanese studies education and research is interesting and relevant for today's Russian-Japanese relations.

Keywords: Japanese studies, Amur Military District, Oriental Institute, officers specializing in Japanese studies.

Author: *Datsyshen Vladimir G.*, Doctor of Sciences (History), Professor. Institute of Oriental Studies RAS, Russia, 107031 Moscow, Rozhdestvenka Street 12; Siberian Federal University; Krasnoyarsk State Pedagogical University
E-mail: dazishen@mail.ru.
ORCID: 0000-0001-6471-8327

Acknowledgements: Research is accomplished under the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00017 “Problems of the historical past in Japan’s relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia”

В основе современных российско-японских отношений лежит исторический опыт, и особенно значимым периодом стали первые годы XX в. Отношения между двумя странами во многом определялись состоянием русского японоведения. После японо-китайской войны 1894–1895 гг. начинается русско-японское противостояние, подготовка к будущей войне. В этой ситуации возрастает активность военных исследователей, актуализируется японоведческое образование для офицеров и даже нижних чинов. Статья посвящена важной, но недостаточно изученной странице истории российской японистики — становлению и развитию военного японоведения. Под военным японоведением мы подразумеваем японоведческое образование для российской армии и изучение офицерами-японоведами Японии и японской культуры. Территориальные рамки включают Дальний Восток России, в военном отношении объединенный в Приамурский военный округ, а также Русскую Квантунскую область.

Первые шаги военной японистики

Российско-японские отношения вышли на новый уровень, требующий значительного числа специалистов по Японии, после вхождения в середине XIX в. в состав России Приамурья. В то время в стране фактически не было японоведческого образования, и общественность справедливо указывала на возможный недостаток специалистов со знанием китайского и японского языков. Русские военные исследователи уделяли внимание Японии, но их работы основывались на переводах с западных языков. Во второй половине XIX в. несколько русских военных исследователей посещали Японию. Например, подполковник М. И. Венюков проводил исследование в основном

посредством французских информаторов. О японской армии писал делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета подполковник А. М. Бутаков [Бутаков 1883].

Во второй половине XIX в. японский язык факультативно преподавался в Санкт-Петербургском университете, но этого было явно недостаточно для подготовки сколько-нибудь значительного числа русских японоведов. Не могла быть решена эта проблема и самообразованием энтузиастов, осваивавших японский язык и культуру дома или за границей, в том числе в Японии.

Необходимость появления специалистов по Японии в воинских частях Приамурского военного округа была обусловлена активизацией международных отношений на Дальнем Востоке и опасностью русско-японского военного столкновения в борьбе за Китай. Отправной точкой русско-японского противостояния в это время стала победа Японии в войне с Китаем в 1895 г. Занятие Россией южной части Ляодуна (Квантунской области) в 1897–1898 гг. и оккупация Маньчжурии в 1900 г. привели к резкому обострению российско-японских отношений.

Проблема актуальности военного японоведения нашла отражение в событиях конца XIX в., когда Приамурский генерал-губернатор поддержал инициативу сделать ставку на японоведов-энтузиастов. В приказе по войскам Приамурского военного округа от 15 декабря 1895 г. говорилось: «Временно командующий войсками округа, признавая весьма полезным и желательным распространение среди офицеров частей войск округа китайского и японского языков, нашел возможным из сумм... выдавать премии на основательное изучение выше названных восточных языков» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1499. Л. 2]. Предполагалось выдать по две премии, по 500 рублей, на китайский и японский языки. В сентябре 1896 г. начальник штаба Приамурского военного округа сообщил военному губернатору приморской области П. Ф. Унтербергеру, что в январе 1897 г. будет создана комиссия под председательством начальника штаба крепости Владивосток «для производства испытания офицерам, изучившим китайский и японский языки на предмет выдачи премии» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1499. Л. 1]. Но в назначенные сроки конкурс не состоялся, так как во Владивостоке не нашлось ни одного человека, владевшего японским языком. Конкурс не отменили, а отложили до открытия навигации.

Создание Восточного института во Владивостоке и военная японистика

К решению проблемы подготовки военных японоведов на Дальнем Востоке удалось приступить лишь после открытия во Владивостоке Восточного института. Институт был открыт в 1899 г. В «Положении о Восточном институте», в частности, говорилось: «5. Курс института продолжается четыре года и, начиная со второго учебного периода, делится на четыре отделения: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-монгольское и китайско-маньчжурское. <...> 7. Специальными предметами преподавания в институте служат: 1) на китайско-японском отделении японский язык и обзор политического устройства и торгово-промышленной деятельности современной Японии <...> 8. Кроме изучения соответствующих предметов, студенты командированы на каникулярное время, по усмотрению Конференции института, в соседние восточные государства для усовершенствования в изучаемых языках...» [Из истории востоковедения 2000, с. 8–9]. Таким образом, с 1899 г. в России начинается систематическая подготовка японоведов. Как справедливо отметила японский исследователь Икута Митико, «впервые в России японский язык как профильный предмет появился именно во Владивостоке» [Икута 2014, с. 72].

Открытый в 1899 г. Восточный институт стал первым и единственным в России учебным заведением, готовившим военных японоведов. В примечании к одному из пунктов «Положения о Восточном институте» говорилось: «По назначению Приамурского генерал-губернатора, ежегодно принимаются в число слушателей института четыре офицера. Последние проходят те из изучаемых в институте предметов, которые будут указаны генерал-губернатором, и по этим предметам наравне со студентами института подвергаются установленным испытаниям. Офицеры, находясь в стенах института, подчиняются всем распоряжениям начальства оного» [Из истории востоковедения 2000, с. 12].

В 1899 г. в Восточный институт поступили первые будущие японисты, среди которых и первый студент, ставший выдающимся японоведом и дипломатом, — прапорщик запаса Павел Юрьевич (Георгиевич) Васкевич, а также Л. А. Богословский и А. С. Кобелев. Первый офицер-слушатель, готовившийся стать японистом, был

принят на следующий год. В 1900 г. в Восточном институте в числе пяти «командированных для слушания лекций из Приамурского военного округа» был будущий японист штабс-капитан Александр Бурский [Из истории востоковедения 2000, с. 35].

Летом 1901 г. Штаб Квантунской области направил в Восточный институт десятерых офицеров, из которых трое потом стали изучать японский язык. В августе 1901 г. приказом по войскам Приамурского военного округа к Восточному институту был прикомандирован подьесаул 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска Василий Мелетиевич Мендрин [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 49]. После приказа он, согласно предписанию Военного отдела Штаба Квантунской области, выехал из Южной Маньчжурии во Владивосток. В том же году к Восточному институту были прикомандированы А. П. Болобан и подьесаул М. М. Румянцев. Андрей Павлович Болобан, 1878 г. рождения, был происхождением из казаков, а среднее образование получил в реальном училище [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 5. Л. 37]. Подьесаул 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска потомственный дворянин Михаил Михайлович Румянцев, 1869 г. рождения, военное образование получил в 1-м Павловском военном училище [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 5. Л. 69].

Шестого декабря 1902 г. вышел приказ по Военному министерству: «В видах необходимости для изучения Дальнего Востока иметь в рядах войск Приамурского военного округа и Квантунской области образованных офицеров, знающих местные языки, Высочайше утвержденными положениями Военного совета постановлено...» [Новый Край 24.01.1903]. В документе, состоявшем из 13 пунктов, говорилось, что количество офицеров-вольнослушателей доводилось до десяти человек. Принимались они без вступительных испытаний и учились четыре года, но не освобождались от переводных экзаменов. Два офицера из Квантунской области и Приамурского военного округа командировались в институт, кандидатов из других округов выбирал командующий Приамурским военным округом после экзаменов по английскому и французскому языкам. Военное ведомство выделяло на каждого офицера по 60 рублей в год за лекции, по 120 рублей на учебные пособия, по 200 рублей для поездки в научные экспедиции и по 100 рублей командировочных в месяц во время пребывания за границей [Дацышен 2000, с. 77].

В 1903 г. распоряжением Командующего войсками Квантунской области был зачислен слушателем Восточного института 28-летний штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Василий Васильевич Блонский [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 5. Л. 38]. В этом же году слушателем на китайско-японское отделение был принят капитан 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Илья Ефимович Иванов [Буяков 1999, с. 97–116]. Зачисление продолжалось и после начала войны с Японией. Например, 24 июля 1904 г. слушателем Восточного института был зачислен воспитанник Московского военного училища штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Николай Владимирович Осипов, затем приказом Приамурского генерал-губернатора от 25 июля 1904 г. был зачислен слушателем Восточного института капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Александр Иоанникиевич Кравцов [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 50]. Четырнадцатого сентября 1904 г. был принят слушателем Восточного института воспитанник Киевского пехотного юнкерского училища капитан 34-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Степан Федорович Рябич [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 67], 21 мая 1905 г. был зачислен воспитанник Павловского военного училища штабс-капитан 9-го Восточно-Сибирского полка Николай Николаевич Стромилов.

Офицерам-слушателям, как и студентам, приходилось преодолевать большие трудности на поприще японоведения. Например, штабс-капитан А. А. Бурский не смог «выдержать установленных испытаний» для перехода с третьего на четвертый курс и был оставлен учиться на второй год. Тем не менее он стал японистом — переводчиком и разведчиком. Его младшие соученики пошли дальше, став известными в научном мире. Зачисленные в 1901 г. в Восточный институт в качестве штатных слушателей офицеры В. М. Мендрин, А. П. Болобан и М. М. Румянцев заняли достойное место в истории российского востоковедения.

Офицеры-слушатели учились не только в стенах института, но и направлялись на практику в Китай и Японию. М. М. Румянцев попал в Японию еще после окончания первого курса. В письме преподавателя Восточного института Е. Г. Спальвина на имя руководителя Российской дипломатической миссии в Токио А. П. Извольского от 5 августа 1902 г. говорилось: «...Офицер, командированный в институт штабом квантунской области подьесаул Михаил Румянцев, ныне

перешедший на II курс, но еще не занимавшийся изучением японского языка, по имеющимся сведениям, находится в Нагасаки или его окрестностях» [Из истории востоковедения 2000, с. 208]. Е. Г. Спальвин писал в августе 1902 г.: «Военным ведомством командирован в Токио слушатель III курса японско-китайского отделения, прикомандированный для слушания лекций из Приамурского военного округа штабс-капитан Александр Бурский» [Из истории востоковедения 2000, с. 208]. В документе Конференции Восточного института говорилось: «Оказывается, что г. г. Мендрин и Болобан, откомандированные в число офицеров — штатных слушателей Восточного Института в 1901 году, в 1902 и 1903 г. г. последовательно переходили по выдержании переходных испытаний на старшие курсы Института, будучи со второго курса зачислены на японско-китайское отделение и ежегодно совершая установленные в Институте летние поездки в страны Дальнего Востока, причем, в 1902 году они были откомандированы в Китай, а в 1903 году в Японию» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 25].

При прохождении практики офицеры-слушатели не только совершенствовали свой разговорный язык, но и занимались научными переводами. В документах Восточного института указывается: «Результатами этих командировок явились следующие работы: г. Мендрин представил перевод японских сказок животного эпоса по сборнику “Нихон-мукаси-банаси” и перевод английского сочинения В. Г. Астона: “История японской литературы” /полностью напечатанной в XI и XII т. т. “Известий Восточного Института”, а также изданный отдельною книгою/ и, кроме того, обработал капитальнейшее исследование по грамматике японского разговорного языка, а г. Болобан, своими обширными переводами с английского и японского языков зарекомендовал себя хорошим переводчиком, между прочим, представил следующие работы: “Очерк китайской философии”, “Дневник командировки в Японию в 1903 году”, “Краткие сведения о японских школах”, “Ханасика — японские бытовые рассказчики”, “Мнение японского офицера о русской военной дисциплине” /напечатано в № 637 Разведчика от 22 сент. 1903 г./ и перевод английского сочинения о Японии...» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 25–25 об.]. В предисловии к одной из первых работ Мендрина профессор Спальвин назвал его «даровитейшим и лучшим из своих слушателей» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 38].

Другой японист, А. П. Болобан, писал о своих стажировках: «В 1902 году был командирован (май-август) в учебную командировку в Китай, откуда вернулся в сентябре месяце и представил работу: “Китайская философия”. В 1902–1903 году был на втором курсе. Летние месяцы 1903 года провел в командировке в Японии (Токио, Осака), откуда вернулся в сентябре месяце и представил работы: “Образование в Японии”, “Дневник поездки по Японии”, “Дисциплина в русской Армии”, перевод с японского (военный журнал Гундзикай) и “Неведомая Япония”» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 49].

Работы офицеров-японистов печатались не только в издательстве Восточного института, но и в журнале «Разведчик». В 1903 г. в этом журнале, например, вышла упомянутая статья А. П. Болобана «Дисциплина в русской армии». Это был перевод статьи майора Танака Гиити, бывшего полтора года прикомандированным к русской армии [Болобан 1903, с. 815–817]. В «Разведчике» была напечатана и рецензия на работы В. М. Мендрина — заметка «Японские народные сказки, с шестью рисунками в красках и политипажами в тексте. Сб., 1903 г. 80 с.» [Японские народные сказки 1903, с. 273].

Об успехах в изучении офицерами японского языка говорит выдержка из письма директора Восточного института на имя начальника штаба Владивостокской крепости: «Что касается переводчика, то Восточный Институт рекомендует как наиболее сведущего в японском письменном языке деловых актов есаула Мендрина» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 11]. Первый опыт обучения офицеров в Восточном институте оказался успешным, и в «Приказе № 441 по Военному ведомству об офицерах-слушателях Восточного института» было объявлено: «1) В Восточном институте во Владивостоке ежегодно допускается 10 офицеров всех родов оружия (2 офицера от войск Квантунской области и 8 офицеров — от войск прочих округов империи) для слушанья лекций китайского, японского... языков» [Из истории востоковедения 2000, с. 42].

Японисты на Русско-японской войне

Успешную учебу и научную работу офицеров-японистов прервала Русско-японская война. Тридцать первого января 1904 г. слушатели Восточного института были откомандированы в свои части. Следует отметить, что в действующую армию были откомандированы не

только слушатели, но и студенты Восточного института. В частности, к Владивостокскому отряду крейсеров прикомандировали в качестве переводчика японского языка студента Анатолия Николаевича Занковского, участвовавшего во всех походах отряда на крейсере «Россия». Всего на фронте было задействовало 11 переводчиков японского языка, восемь из которых были направлены Восточным институтом [Икута 2014, с. 53].

Приказом наместника на Дальнем Востоке слушатели Блонский, Мендрин, Николаев и Спицин были направлены в распоряжение Мукденского военного комиссара. По этому случаю 1 февраля 1904 г. в церкви Восточного института состоялась литургия. Слушатель первого набора штабс-капитан А. А. Бурский с 22 марта 1904 г. был прикомандирован к разведывательному отделу полевого штаба Маньчжурской армии.

Есаул В. М. Мендрин состоял сначала в Мукденском, а потом в Гиринском военных комиссариатах. Согласно отчету офицера-япониста, его служба и труды во время войны выглядели следующим образом: «... Переводил японский устав полевой службы... вел разведку сил китайских генералов Юань-ши-кая и Ма... разведку противника через шпионов и личную... вел разведку сил противника опросом, чтением документов и через шпионов... Перевел 1/3 захваченной канцелярии 2 резервного японского полка под Сенденпу... вел разведку в передовых конных отрядах» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 49-49 об.]. В. М. Мендрин также отмечал, что во время войны он «составил очерк возникновения развития в Мукд. провинции китайских охранных войск с момента вступления русских в Мукд. пров. и до ухода из нее — весь очерк на основании официальных документов (кажется он утерян комиссарством при отступлении из Мукдена)» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 48 об.]. Капитан В. В. Блонский был «одним из организаторов подготовки тыла армии в отношении разведки и работы с агентурой в тылу противника» [Подалко 1999, с. 80].

Значение слушателей и студентов Восточного института для русской армии в Русско-японской войне отметил генерал-майор Генерального штаба В. А. Орановский: «Строго говоря, слушатели последнего — офицеры и студенты — были единственные надежные и интеллигентные переводчики» [Подалко 1999, с. 79]. За личное участие в боях, разведывательных и диверсионных рейдах на территории Маньчжурии В. М. Мендрин был награжден четырьмя боевыми

орденами и другими наградами. В августе 1905 г. офицер-японоведец был командирован в распоряжение командира крепости Владивосток «в виду ожидания осады». Поручик 29-го Восточно-Сибирского стрелкового полка А. П. Болобан за участие в боевых действиях в Маньчжурии также был представлен к четырем боевым орденам. Командир роты 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка японист-слушатель И. Е. Иванов был удостоен шести орденов.

Военная японистика после Русско-японской войны

В начале 1906 г. есаула В. М. Мендрин и поручика А. П. Болобана исключили из числа слушателей Восточного института и отправили в свои воинские части. Педагогический коллектив Восточного института не согласился с потерей перспективных японистов. В документах отмечается: «При обсуждении означенного приказа, Конференция Института поставила своим долгом отметить, что с отчислением от Института г. г. Мендрин и Болобана... Восточный Институт лишается двух наиболее успешных своих питомцев, которые не только примерным прилежанием в науках, способностями и трудолюбием в достаточной степени засвидетельствовали отличное усвоение предметов институтского преподавания, но и, благодаря приобретенным им в Институте познаниям, оказались весьма полезными деятелями во время военных действий, каковые обстоятельства вселяли в Конференцию Института полную уверенность в том, что означенные слушатели Института, имеющие в самом непродолжительном времени окончить полный институтский курс, могли бы пополнить собою столь незначительное число образованных русских ориенталистов» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 25]. В прошении директора Восточного института на имя командующего войсками на Дальнем Востоке от 21 апреля 1906 г. говорилось: «Конференция Восточного Института, подтверждая свое огорчение по поводу откомандирования от Института г. г. Мендрин и Болобана определила: ходатайствовать об оставлении означенных слушателей при Институте в виду скорого окончания ими полного институтского курса» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 52].

После окончания Русско-японской войны офицеры-слушатели Восточного института стали переходить в запас армии и переводиться в студенты Восточного института. В 1906 г. перешел в запас и зачис-

лен студентом Восточного института по японо-китайскому отделению А. П. Болобан [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 5. Л. 37]. В. М. Мендрин также хотел выйти в запас, в октябре 1906 г. он ходатайствовал: «Выходя из военной службы в отставку, прошу не отказать в зачислении меня студентом Восточного института и допуске меня к держанию выпускных экзаменов с моими однокурсниками» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 2]. Первая попытка оставить военную службу ради японоведения оказалась неудачной, и он закончил институт, оставаясь на службе. Летом 1907 г. В. М. Мендрин ходатайствовал: «об оставлении... при Институте для подготовки к преподаванию японской словесности, прошу не отказать ходатайствовать о перечислении меня из военной службы на гражданскую...» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 692. Л. 14]. Молодой офицер-японовед писал, что в случае невозможности перевода с военной службы на гражданскую он готов просто выйти в отставку. В 1908 г. войсковой старшина В. М. Мендрин все же добился увольнения со службы «по домашним обстоятельствам».

В феврале 1907 г. В. М. Мендрин и А. П. Болобан успешно выдержали выпускные экзамены. При этом есаул Мендрин единственным из всего курса за выпускную работу был награжден золотой медалью. Что касается М. М. Румянцева, то он не стал японоведом. Как говорилось в «Выписке из протокола заседания Конференции Восточного института», он «прослушал полный курс наук Института с освобождением... от изучения специального языка» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 5. Л. 69], а работу защитил по китаеведению.

Из выпускников 1907 г. самым успешным и перспективным был признан В. М. Мендрин. В «Отчете о состоянии и деятельности Восточного института за 1908 г.» говорилось: «Окончивший курс института с отличным успехом В. М. Мендрин — оставлен, с согласия г. Министра Народного Просвещения, сообщенного отношением Окружного Инспектора училищ Приамурского края от 4-го января 1908 года, для приготовления к профессорскому званию по кафедре японской словесности, сроком на два года, с 1-го января 1908 года; откомандирован в Японию...» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 10]. Два года командировки оказались недостаточными, и В. М. Мендрин обратился к руководству Восточного института с ходатайством о продлении срока приготовления к профессорскому званию. Профессор Е. Г. Спальвин подтвердил успешность занятий В. М. Мендрин в Японии и ходатайствовал

о продлении стажировки до 1 января 1911 г. [Протоколы заседаний 1909b, с. 90].

В 1908 г. Восточный институт по японо-китайскому отделению успешно закончили три студента и пять офицеров: капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка А. И. Кравцов, штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Н. В. Осипов, капитан 34-го Восточно-Сибирского стрелкового полка С. Ф. Рябич, штабс-капитан 9-го Восточно-Сибирского полка Н. Н. Стромиллов и штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка В. В. Блонский.

В отзыве профессора Е. Г. Спальвина о работе В. В. Блонского говорилось: «Слушатель 4-го курса японо-китайского отделения штабс-капитан Блонский представил полный перевод мемуаров японского поручика Сакураи о Порт-Артурских боях под заглавием “Никуда”, буквально: “Мясные ядра”. Мемуары эти выдержавшие в Японии ко времени представления перевода 48 изданий... дают до нельзя реальную картину о Порт-Артурских боях... С переводом штабс-капитана Блонского члены Конференции уже ознакомлены по печатным оттискам его в издающихся в Хабаровске “Военных Известиях Дальнего Востока”... штабс-капитану Блонскому удалось не только передать общий колорит мемуаров, но и держаться возможной близости к тексту. Переводчик с полным достоинством выходит победителем из борьбы со сложными японскими конструкциями и словообразованиями, всегда улавливая смысл и передавая его достойным русским языком... Представляемый перевод является, можно сказать, первым крупным переводом с японского языка на русский, исполненным притом весьма компетентным лицом и во всех отношениях удачно. По соображении всего изложенного и полагая, что штабс-капитан Блонский переводом своим внес значительный вклад в русскую переводную литературу из области востоковедения и дал русской публике любопытный материал для суждения о японском народе...» [Протоколы заседаний 1909a, с. 156].

После Русско-японской войны сложилась противоречивая ситуация. Офицеры-слушатели показали высокий уровень подготовки и оказались незаменимыми для российской армии на Дальнем Востоке. Однако многие офицеры настолько погрузились в учебу, что хотели посвятить свою жизнь уже не службе в армии, а японоведению, связать свое будущее с наукой и образованием. Решение проблем

виделось через увеличение числа офицеров-слушателей. Ежегодный прием офицеров в Восточный институт был увеличен до 20 человек. И в конечном счете за первые десять лет истории Восточного института туда было принято более ста офицеров, значительная часть которых изучала японский язык. Кроме того, сразу после Русско-японской войны были открыты школы переводчиков для офицеров и солдат непосредственно в воинских частях.

После войны в некоторых частях, расквартированных в Приамурском военном округе, были открыты школы японского и китайского языков для офицеров и нижних чинов. Следует отметить, что к этому времени уже был небольшой опыт создания школ китайского языка для нижних чинов. В числе преподавателей японского языка в войсках был студент Восточного института А. Н. Занковский. Этот японист, получивший опыт участия в боевых действиях в войне с Японией, в 1906–1908 гг. преподавал японский язык для офицеров и нижних чинов учебной команды 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Учебная команда этого полка находилась в крепости Владивосток, в группу японского языка набрали более 40 нижних чинов из разных рот этого полка, экзамены проходили в мае.

В письме «Наблюдающего за учебной командой командира 3-го батальона 11-го Восточно-Сибирского стрелкового... полка» от 14 августа 1908 г. говорилось, что бывший командир полка «Полковник Яблочкин, убедившись из личного боевого опыта в той огромной пользе, которую приносит знание языка неприятеля не только части, но и отдельным стрелкам, решил ввести преподавание Японского и Китайского языков в учебной команде полка, причем предоставил права офицерам, желающим изучать один из названных языков, посещать во время уроков то отделение учебной команды, в котором преподается избранный каждым для изучения язык. Задачей поставлено было добиться только то, чтобы каждый нижний чин в состоянии был задавать вопросы, относящиеся к движению, боевым действиям, составу войск, снаряжению, вооружению, названию различных припасов довольствия и хозяйства, стоимости, счету, весу, мер и т. п. необходимом в военном быту» [ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 378. Л. 47].

После Русско-японской войны Восточный институт оставался главным центром подготовки военных востоковедов. В 1907 г. на второй курс был принят подполковник Иванов, который прошел первый курс еще в 1903/04 учебном году. На третий курс переведен

слушатель японско-китайского отделения штабс-капитан Эггардт. В Восточный институт в качестве штатных и сверхштатных слушателей в 1907 г. приняли будущих японистов штабс-капитана Поздеева, капитана Лисынова, поручика Цепушелова, подполковника Иванова, подпоручика Спандега и поручика барона Розена. В «Отчете о состоянии и деятельности Восточного института за 1908 г.» говорилось, что на четырех курсах института находилось 89 офицеров-слушателей, в том числе на втором курсе — 34 человека, а на первом и третьем — по 20 офицеров. Следует отметить, что офицеров-слушателей в Восточном институте в это время было больше, чем студентов. К этому следует добавить еще 17 «посторонних слушателей», среди которых также были офицеры [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 10]. Далее в отчете указывалось: «В числе 83 офицеров-слушателей состоят в звании штатных слушателей по назначению Приамурского генерал-губернатора 79 офицеров, и в звании сверхштатных слушателей от Отдельного корпуса Пограничной стражи Заамурского Военного округа — 4 офицера» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 14].

На каждом курсе Восточного института было по две группы, одна из которых состояла из офицеров. Специализация утверждалась на втором курсе. Например, в 1908 г. на японо-китайское отделение были зачислены пришедшие на второй курс следующие офицеры: капитан Лисынов, штабс-капитан Поздеев, поручик барон Розен, подпоручик Спандег, поручик Ценушелов; на третий курс перешли подьесаул Захаревский, подполковник Иванов, сотник Лион, штабс-капитан Сипайло-Рудницкий, капитан Спешнев, штабс-капитан Шалфеев и штабс-ротмистр Лоздовский [Протоколы заседаний 1909b, с. 85–86]. Документы Восточного института отражают тот факт, что офицеры учились лучше, чем обычные студенты, за учебный год из института выбыло шесть студентов и лишь два офицера [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 12]. В «Отчете о состоянии и деятельности Восточного института за 1908 г.» говорилось: «Переводные и окончательные испытания дали следующие результаты: а) из 78 студентов были переведены на высшие курсы 37... Окончило курс 10... б) из 88 офицеров-слушателей были переведены на высшие курсы 65... окончило курс — 15...» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 14]. Профессор Е. Г. Спальвин проводил специализированные занятия для офицеров,

где изучали японскую армию. Много внимания на занятиях уделяли истории Японии.

Японо-китайское отделение в Восточном институте не было самым многочисленным, но ему уделялось особое внимание. В «Отчете о состоянии и деятельности Восточного института за 1908 г.» говорилось: «Особый интерес, проявившийся у слушателей института, как естественное последствие русско-японской войны, к изучению Японии вызвал усиление преподавательского персонала на японо-китайском отделении института еще одним образованным лектором японского языка, и это обстоятельство дало возможность обеспечить полную правильность и успешность ведения практических занятий на указанном отделении. В весеннем полугодии отчетного года, по указаниям и под ближайшим руководством и. д. профессора Е. Г. Спальвина, часть практических занятий на японо-китайском отделении посвящалась регулярным чтениям-беседам лекторов на японском языке...» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 19]. На первом курсе все изучали только китайский язык, а на следующих курсах японисты кроме лекций каждую неделю имели по четыре часа практики и китайского, и японского языков, а также два часа английского.

Нормальные стажировки в Японии восстановились не сразу. Например, в протоколе заседания Конференции Восточного института от 24 октября 1907 г. говорилось: «Определено: принимая во внимание исключительно неблагоприятные условия пребывания поручика Мая в Японии летом текущего года, которые лишили его возможности восполнить свои познания в японском языке для перехода на IV курс, возбудить испрашиваемое им ходатайство» остаться на третьем курсе на второй год [Протоколы заседаний 1909а, с. 26]. На следующий год ситуация со стажировкой в Японии полностью нормализовалась.

В первые послевоенные годы традиция представления по итогам стажировки научных переводов у японистов сохранилась. По итогам летней практики 1908 г. офицеры представили такие работы: «Капитан Айваз-Оглу. — а) Перевод японской комедии г. Одзаки Токутаро... “Кои-но-ямай” (“Болезнь от любви”), б) перевод японского сочинения г.г. Такеда Ото и Кимура Сиосю: “Сионен гадан. Нихон бусиоден” (“Иллюстрированные рассказы для юношества. — Биографии японских воинов”)... Шт.-капитан Иванов. — Перевод устава военной японской гимнастики с приложением сборника слов, вошедших в означенный устав. Шт.-капитан Леонтьев. — Перевод

японских философских этюдов г. Уцимура Кандзо: “Иородзу танген” (“Обо всем понемногу”)... Поручик Май. — а) Перевод с японского: “Проекта исправления пехотного устава” (Хохей сотен кайсей сбан), с приложением составленного переводчиком “Сборника военных терминов и команд, вошедших в означенный устав” и б) перевод с японского: “Отчета об изучении на месте Амурского побережья и Камчатки вице-консула Судзуки”... Поручик Спиридович. — Перевод с японского первых 9 глав сочинения г. Цубоя Дзенсиро: “Цудзоку Мейдзи рекиси” (“Популярная история эры Мейдзи”)...» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 30–31]. Офицеры-второкурсники представили такие работы: «Подполковник Иванов. — Перевод двух японских рассказов: а) “Муротодзаки” (“Мысль Мурото”), сочинения Кавагуци Мокусукэ, и б) “Ямагоси” (“Горный проход”), сочинения Каваи Котори»... Сотник Лион. — Перевод японского рассказа “Ботцьянь” (“Мальчуган”), сочинения Нацуме Сосеки... Капитан Спешнев. — а) Перевод с японского 1-ой книжки (“О возникновении войны”) из “Сионен Ницироно сенси” (“История русско-японской войны для юношества”), сочинения Ивая Садзанами, и б) “Бусидо в прошлом и настоящем” (статья-компиляция)» [Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909, с. 33].

Конференция Восточного института удостоила научные труды штабс-капитана 1-го Восточно-Сибирского горного артиллерийского дивизиона Степана Георгиевича Леонтьева золотой медали, капитана 3-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка Владимира Николаевича Айваз-оглу — серебряной медали, а работы сотника Льва Иосифовича Лиона и поручика 3-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Оскара-Валентина Франциевича Мая удостоились почетных отзывов [Протоколы заседаний 1909b, с. 91–92]. Работы штабс-капитана 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Ивана Васильевича Иванова, поручика 2-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады Сергея Васильевича Спиридовича и капитана Николая Алексеевича Спешнева были признаны исполненными удовлетворительно, и лишь работа подполковника Ильи Ефимовича Иванова была возвращена автору на доработку. И. Е. Иванов в 1909 г. издал в Санкт-Петербурге небольшую книжку «На практике в Японии в 1908 г.», а позже, в 1911-м, в Москве вышла его книжка «В интимных уголках и общественных местах у японцев: (Из записной книжки путешественника)».

Летом 1909 г. в Токио были командированы офицеры-слушатели капитан Лисынков, поручик Розен, подьесаул Захаревский, штабс-капитан Шалфеев, штабс-ротмистр Лоздовский, штабс-ротмистр Шидловский-Хилькевич и подполковник Иванов. Еще несколько офицеров — Поздеев, Спандег, Цепушелов, Лион, Сикайло-Рудницкий и Спешнев — были направлены на стажировку в другие японские города.

Несмотря на успехи офицеров-слушателей Восточного института в деле изучения Японии и японского языка, после окончания Русско-японской войны встал вопрос о реформировании японоведческого образования для военных. Первыми проблему обозначили профессора Восточного института, что нашло отражение в протоколе заседания Конференции Восточного института от 6 сентября 1907 г. В «представлении директора Института г. Приамурскому Генерал-Губернатору от 25 июля» 1907 г. и «последовавшем предложении Генерал-Губернатора от 8 июля» говорилось: «а) В связи с признанной необходимостью пересмотра действующего положения о Восточном Институте находится особо-важный и неотложный вопрос — об окончательном урегулировании существующих при Восточном Институте офицерских курсов» [Протоколы заседаний 1909а, с. 5]. Профессора Восточного института полагали, что большая численность «военного элемента в Институте с полной очевидностью показала вскоре же неосуществимость на деле идеи совместного обучения студентов и офицеров», а причиной этого, по их мнению, было «несходство или даже противоположность миро-созерцания и различие в возрасте и степеней зрелости учащихся» [Протоколы заседаний 1909а, с. 6]. Вероятнее всего, Конференция Восточного института приняла такое решение под влиянием конфликта между студентами и офицерами. Один офицер-слушатель сорвал революционную листовку, в ответ на это студенты постановили закрыть институт [Дацышен 2000, с. 80].

Однако главный аргумент профессоров Восточного института был другим. В документе было указано: «Наиболее важным представляется, однако, то обстоятельство, что цели ориентального образования студентов и офицеров с государственной точки зрения представляются существенно различными, из чего вытекает и необходимость различных учебных программ для обеих категорий» [Протоколы заседаний 1909а, с. 6].

Руководство Восточного института в целях изменения существовавшей системы подготовки военных востоковедов предлагало «создать при Восточном Институте особые курсы для офицеров... ограничить продолжительность пребывания офицеров на курсах трехгодичным сроком, а программу обучения — изучением восточных языков в разговорной и письменной форме английского языка, географии и этнографии, истории и культуры стран Дальнего Востока. По специальности изучаемых языков курсы должны разделяться на отделения: китайское... японское и японско-корейское. К вышеперечисленным предметам изучения могут быть присоединены чисто военные науки» [Протоколы заседаний 1909а, с. 7].

Необходимость реформирования системы подготовки военных востоковедов была обусловлена еще и тем, что специалистов в армии по-прежнему не хватало. В опубликованной в журнале «Разведчик» в 1910 г. статье «Новый порядок изучения офицерами восточных языков» [А. Д. 1910, с. 230–231] говорилось о проблеме недостатка учебных заведений: «Последняя война с Японией с особенной очевидностью выдвинула вопрос о необходимости иметь в рядах войск офицеров, знающих восточные языки, для службы в качестве переводчиков. В настоящее время военное министерство располагает для подготовки таких офицеров следующими установлениями: 1) Курс восточных языков, учрежденный для офицеров при 1-м департаменте министерства иностранных дел. 2) Восточный институт во Владивостоке, который офицеры допускаются, для слушания лекций... 3) Подготовительная школа по восточным языкам в Ташкенте. Кроме того, содержатся 2 военных стипендиата при Ургинской школе переводчиков и толмачей и один стипендиат при такой школе в Кульдже» [А. Д. 1910, с. 230].

Образованная в конце 1908 г. комиссия при главном штабе «пришла к заключению, что неудовлетворительную постановку у нас дела изучения восточных языков следует объяснить главным образом отсутствием определённой системы и ясно намеченной цели...» [А. Д. 1910, с. 231]. Возможно, проблема возникла из-за того, что многие офицеры не хотели оставаться военными переводчиками или разведчиками, а посвящали свою жизнь изучению истории и литературы Японии. Свою роль сыграли и революционные события в России, напрямую затронувшие жизнь Восточного института.

Созданная при главном штабе комиссия приняла решение: «...В ожидании осуществления проектируемой меры, дальнейший прием офицеров в восточный институт во Владивостоке и на курс восточных языков приостановлен...» [А. Д. 1910, с. 231]. В опубликованном в журнале «Разведчик» материале по этому вопросу говорилось: «Комиссия единогласно признала, что для армии... необходимо иметь две категории офицеров, знающих эти языки: к 1-й категории должны быть отнесены войсковые “офицеры-переводчики”, хорошо владеющие известным языком и удовлетворяющие потребности войск в отношении разведки, сношений с местными жителями и т. п. Вторая же категория должна заключать известный контингент офицеров, знающих не только язык, но и основательно изучивших известные районы Дальнего и Ближнего Востока, их географию, историю, культуру, религию, законы, обычаи, частью литературу и т. п.» [А. Д. 1910, с. 230].

«Разведчик» сообщал: «Согласно оснований, выработанных комиссией, составлен проект положения об изучении офицерами восточных языков... I. Как основной принцип, устанавливается, во-первых, то начало, что главным фактором подготовки офицеров по изучению должна служить их личная самодеятельность... II. Офицеры, желающие заняться изучением восточных языков, проходят предварительно 6–8 месячный курс особой подготовительной школы, учрежденной при штабе округа. III. По окончании школы, офицеры командуются на 2 года за границу...» [А. Д. 1910, с. 230]. Реформаторы предполагали открыть четыре подготовительные школы, одна из которых — при штабе Приамурского военного округа, в которую ежегодно принимать «по выдержании установленного экзамена по 5 офицеров» [А. Д. 1910, с. 231].

В 1910 г. было принято «Положение об изучении офицерами Восточных языков». На его основе была создана «Окружная подготовительная школа переводчиков при Восточном институте». Квота приема на год составляла 12 офицеров. Последний набор был произведен в 1913 г., начавшаяся мировая война привела к тому, что не только набор в школу прекратился, но и имевшиеся слушатели вынуждены были прекратить обучение. Всего Окружную подготовительную школу переводчиков при Восточном институте окончили менее 20 человек.

Реформы военного востоковедческого образования осложнили, но не сделали недоступным образование для офицеров. Примером

тому может послужить путь в японоведение Василия Николаевича Крылова. В 1909 г., сдав экзамены на начальное знание японского языка, поручик 8-го отряда Заамурского округа Пограничной стражи В. Н. Крылов поступил на второй курс Восточного института по японо-китайскому разряду в качестве сверхштатного слушателя. Институт он закончил в 1912 г. по сокращенной программе, без свидетельства, но затем, в 1913 г. закончил Окружную подготовительную школу переводчиков при Восточном институте. А. Е. Куланов пишет: «Так как в Восточном институте Крылов, еще в 1910 г. ставший штабс-ротмистром, диплома не получил, свидетельство об окончании ОПШВЯ служило ему в качестве документа о профессиональном образовании» [Куланов 2014, с. 196].

Судьбы военных японоведов после окончания Восточного института

По-разному складывались судьбы офицеров-японоведов. Участник Русско-японской войны М. Г. Попов в 1906 г. был зачислен штатным слушателем в Восточный институт, но вскоре отчислен за неуспеваемость. В 1909 г. он вновь поступил, но уже в качестве вольнослушателя за свой счет; в 1912-м окончил японо-китайское отделение по 1-му разряду и был произведен в штабс-капитаны [Буяков 2014, с. 134–148]. Окончивший в 1910 г. японо-китайское отделение Восточного института есаул Амурского казачьего полка Л. И. Лион вскоре был направлен в распоряжение военного агента России в Японии, но в 1914 г. заболел и вскоре умер [Буяков 1999, с. 101]. В 1912 г. на японское отделение ОПШВЯ при ВИ зачислен поручик С. В. Медзевич. После начала Первой мировой войны он был откомандирован в свою часть и в 1915 г. погиб в бою.

Многие японоведы выехали на службу в Маньчжурию, продолжили там заниматься научной деятельностью, но специализировались уже на изучении этого региона, их основным рабочим языком стал китайский. Например, А. П. Болобан после окончания Восточного института работал на КВЖД. Он сразу же, в 1908 г. стал инициатором создания Общества русских ориенталистов, затем был в числе учредителей Русско-японского общества в Харбине. Однако этот японовед ушел из японистики и занимался изучением Маньчжурии, опубликовав по ней несколько крупных исследований.

Среди выпускников Окружной подготовительной школы переводчиков было больше известных общественно-политических деятелей, чем японистов. Здесь обычно вспоминают яркую, но короткую жизнь первого председателя Иркутского Совета солдатских депутатов Алексея Николаевича Луцкого, погибшего в 1920 г. во Владивостоке. Тем не менее и среди воспитанников Окружной школы были известные японисты, такие как штабс-капитан К. А. Харнский. Первая его японоведческая работа, статья «Сельское хозяйство в Японии», была опубликована в газете «Вестник финансов, промышленности и торговли» в 1906 г. После долгого перерыва К. А. Харнский вернулся в японоведение в 1920-е годы.

Если говорить о военных японоведах, достигших наибольших достижений, то следует в первую очередь назвать В. М. Мендрину. Он был принят в число штатных преподавателей Восточного института и готовился занять кафедру, написал и издал учебник по японскому языку. 1910–1916 гг. были очень плодотворными в его научной карьере. В 1910–1914 гг. выходило его многотомное учебное пособие «Соробун. Анализ японского эпистолярного стиля». В. М. Мендрин перевел и издал шесть из 22 томов «Неофициальной истории Японии» (Нихон гайси) конфуцианского ученого Рай Санъё (1780–1832). Японовед написал введение, снабдил текст обширными историческими и лингвистическими комментариями. Последняя крупная его работа была опубликована накануне революции 1917 г. [Мендрин 1916].

Революция создала препятствия для продолжения плодотворной работы В. М. Мендрина. В 1918 г. он был избран ректором Высшего политехникума, выделившегося из родного ему Восточного института во Владивостоке. Есаулу В. М. Мендрину, призванному во время Первой мировой войны из запаса, было предложено занять должность атамана Уссурийского казачьего войска, но он остановил свой выбор на службе по ведомству просвещения. В 1920 г. В. М. Мендрин умер и был похоронен во Владивостоке. Оставшиеся в рукописях его труды, как и весь архив, были утрачены.

Большой вклад в русское японоведение внес военный японист В. Н. Крылов. Уже в первые годы после получения японоведческого образования он опубликовал серию значительных работ. В 1914 г. в Харбине вышло сразу четыре публикации «военно-академического характера»: «Вопросы японской конницы. Справочник современной организации конницы в Японии с приложением общих сведений

о японских сухопутных силах» (Харбин, 1914); «Карта Кореи с японскими собственными именами» (Харбин, 1914); «Словарь японских географических названий Кореи, ныне генерал-губернаторства Циосен. С картою, под ред. генерал-майора Генерального Штаба Володченко» (Харбин, 1914); «Краткие сведения о японских сухопутных войсках. С приложением географических и статистических данных о Японии. Под ред. ГШ генерал-майора Володченко» (1914)» [Куланов 2014, с. 196]. В 1918 г. в Харбине ротмистр Крылов издал книгу «Вопросы японской армии в алфавитном порядке. Справочник современного устройства японских вооруженных сил». Перечень источников на разных языках, положенных в основу этого исследования, занял половину страницы текста, что касается японоязычных текстов, автор писал: «Из японских сочинений пособиями послужили: книга японского генерал-майора Камеока “Сухопутная Армия” (Рикугун), “Новый учебник для солдат пехоты” (Син-хохей-суци), составленный капитаном Окадзаки и “Общий обзор войск” (Гунтай-тайкан) — книга, составленная полковником Госи, наконец, японские военные уставы и наставления для обучения войск и японская периодическая печать. Общие статистические данные, касающиеся Японии, взяты из “32-го Статистического Ежегодника Японской Империи, составленного Статистическим Бюро при Кабинете Министров” (Нихон-тейкоку дай сан дзю: ни то: кейненкан) и “Ежегодника газеты Кокумин-Симбун” (Кокумин-ненкан), издания 7-го года Тайсей (1917 г.)» [Крылов 1918, с. IV]. В годы Гражданской войны подполковник В. Н. Крылов, служивший в Белой армии в Забайкалье, продолжал плодотворно заниматься японоведением, преподавал японский язык, выпускал в свет словари и переводы, а после победы большевиков остался в эмиграции в Маньчжурии, где продолжал активно заниматься научно-исследовательской работой

Революция и Гражданская война нанесли большой удар по русскому японоведению. Большинство японистов остались жить и работать в Японии и Маньчжурии. Перешедшие на сторону большевиков офицеры-японоведы К. А. Харнский, Н. А. Спешнев и др. в течение нескольких лет занимались информационно-пропагандистской работой. В 1920–1930-х гг. оставшиеся в Советском Союзе воспитанники Восточного института, в том числе некоторые военные японисты, создали новое советское университетское японоведение на Дальнем Востоке. Однако прошедшая в конце 1930-х волна политических

репрессий ликвидировала остатки не только военного, но и всего российского дальневосточного японоведения. Работавшие во Владивостоке японисты, а вместе с ними и вернувшиеся из Маньчжурии эмигранты, как В. Н. Крылов, были физически уничтожены. Неизданные труды и архивы были утрачены, а большинство опубликованных работ военных японистов были забыты почти до конца XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

А. Д. 1910 — А. Д. Новый порядок изучения офицерами восточных языков. *Разведчик*. 1910. № 1015.

Болобан 1903 — Болобан А.П. Дисциплина в русской армии. *Разведчик*. 1903. № 674. С. 815-817.

Бутаков 1883 — Бутаков А. М. Вооружённые силы Японии и Китая. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. III. Санкт-Петербург, 1883. С. 1–186.

Буяков 2014 — Буяков А. М. Офицеры-слушатели Восточного института во Владивостоке — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия. *Известия Восточного института*. 2014. № 5. С. 134–148.

Буяков 1999 — Буяков А. М. Офицеры-выпускники Восточного института: годы и судьбы. *Известия Восточного института*. 1999. № 5. С. 97–116.

ГАПК. Ф. Р-115. — Государственный архив Приморского края (ГАПК). Фонд Р-115. Восточный институт.

Дацышен 2000 — Дацышен В. Г. История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2000.

Из истории востоковедения 2000 — *Из истории востоковедения на российском Дальнем Востоке. 1899–1937 гг. Документы и материалы*. Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 2000.

Икута 2014 — Икута М. Приват-доцент факультета востоковедения Дальневосточного университета Олег Плетнер: неизвестные страницы российского японоведения. В кн.: Дыбовский А. С. (ред.). *Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России*. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2014. С. 67–93.

Крылов 1918 — Крылов В. Н. *Вопросы японской армии в алфавитном порядке. Справочник современного устройства японских вооружённых сил*. Харбин: Типография Охранной Стражи КВЖД, 1918.

Куланов 2014 — Куланов А. Е. Василий Крылов: спасти и уничтожить. *Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России*. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2014. С. 194–210.

Мендрин 1916 — Мендрин В. М. *Сиогуны и сейи тайсиогуны. Бакуфу. Лингвистические и исторические очерки. С приложением хронологического перечня сиогунов и двух алфавитных указателей*. Владивосток: Восточный Институт, 1916.

Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института 1909 — *Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института за 1908 год*. Владивосток: Восточный Институт, 1909.

Подалко 1999 — Подалко П. Э. «Он всегда был полон идей...» П. Ю. Васкевич — эмигрант-романтик. *Известия Восточного института*. 1999. № 5. С. 75–96.

Протоколы заседаний 1909а — *Протоколы заседаний Конференции Восточного Института за 1907–08 акад. год*. Владивосток: Восточный Институт, 1909.

Протоколы заседаний 1909б — *Протоколы заседаний Конференции Восточного Института за 1908–09 акад. год*. Владивосток: Восточный Институт, 1909.

РГИА ДВ. Ф. 1. — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Фонд 1. Приморское областное правление.

Японские народные сказки 1903 — Японские народные сказки с шестью рисунками в красках и политипажамми в тексте. *Разведчик*. 1903. № 648. С. 273.

REFERENCES

A. D. (1910). *Novyy poryadok izucheniya ofitserami vostochnykh yazykov* [A New Procedure for Officers to Study Oriental Languages]. *Razvedchik*, 1015. (In Russian).

Boloban, A. P. (1903). *Distsiplina v russkoy armii* [Discipline in the Russian Army]. *Razvedchik*, 674, 815-817. (In Russian).

Butakov, A. M. (1883). *Vooruzhennyye sily Yaponii i Kitaya* [Armed Forces of China and Japan]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. [A Collection of Geographic, Topographic, and Statistical Materials on Asia]. Vol. III. (Pp. 1–186). Sankt-Peterburg. (In Russian).

Buyakov, A. M. (2014). Ofitsery-slushateli Vostochnogo instituta vo Vladivostoke — kavaleriy ordena Sv. Georgiya i Georgiyevskogo oruzhiya [Officers-Students of the Eastern Institute in Vladivostok, Recipients of the Order of St. George and the St. George's Award Weapon]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 5, 134–148. (In Russian).

Buyakov, A. M. (1999). Ofitsery-vypuskniki Vostochnogo instituta: gody i sud'by [Officers Graduating from the Eastern Institute: Years and Destinies]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 5, 97–116. (In Russian).

Datsyshen, V. G. (2000). *Istoriya izucheniya kitayskogo yazyka v Rossiyskoy imperii* [The History of the Chinese Language Study in the Russian Empire]. Krasnoyarsk State University. (In Russian).

Ikuta, M. (2014). Privat-dotsent fakul'teta vostokovedeniya Dal'nevostochnogo universiteta Oleg Pletner: neizvestnyye stranitsy rossiyskogo yaponovedeniya [Privat-Docent of the Faculty of Oriental Studies of the Far East University Oleg Pletner: Unknown Pages of Russian Japanese Studies]. In Dybovsky, A.S. (Ed.) *Puti razvitiya vostokovedeniya na Dal'nem Vostoke Rossii: sbornik statey i bibliografiya*. [The Paths of Development of Oriental Studies in the Far East: a Collection of Articles and Biographies]. Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 67–93. (In Russian).

Iz istorii vostokovedeniya na rossiyskom Dal'nem Vostoke. 1899–1937 gg. Dokumenty i materialy (2000). [From the History of Oriental Studies in the Russian Far East. 1899–1937. Documents and Materials]. Primorskaya krayevaya organizatsiya Dobrovol'nogo obshchestva lyubiteley knigi Rossii. (In Russian).

Krylov, V. N. (1918). *Voprosy yaponskoy armii v alfavitnom poryadke. Spravochnik sovremennogo ustroystva yaponskikh vooruzhennykh sil* [Japanese Army Issues in Alphabetical Order. Handbook of the Modern Structure of the Japanese Armed Forces]. Tipografiya okhrannoy strazhi KVZhD. (In Russian).

Kulanov, A. E. (2014). Vasiliy Krylov: spasti i unichtozhit' [Vasily Krylov: Save and Destroy]. In *Puti razvitiya vostokovedeniya na Dal'nem Vostoke Rossii: sbornik statey i bibliografiya*. [The Paths of Development of Oriental Studies in the Far East: a Collection of Articles and Biographies]. Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta. (Pp. 194–210). (In Russian).

Mendrin, V. M. (1916). *Syogun i seyi taysyogun. Bakufu. Lingvisticheskiye i istoricheskiye ocherki. S prilozheniyem khronologicheskogo perechnya syogunov i dvukh alfavitnykh ukazateley* [Shōgun and Seii Taishōgun. Bakufu. Linguistic and Historical Essays. With the Appendix of the Chronological List of Shōguns and Two Alphabetic Indexes]. Vostochnyy Institut. (In Russian).

Podalko, P. E. (1999). “On vseгда byl polon idey...» P. Yu. Vaskevich — emigrant-romantik [“He was Always Full of Ideas...” P. Yu. Vaskevich as a Romantic Emigrant]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 5, 75–96. (In Russian).

Vostochnyy Institut (1909a). *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Vostochnogo Instituta za 1908 god* [Report on the Status and Activities of the Oriental Institute in 1908]. Vostochnyy Institut. (In Russian).

Vostochnyy Institut (2009b). *Protokoly zasedaniy Konferentsii Vostochnogo Instituta za 1907–08 akad. god* (1909) [Minutes of Meetings of the Conference of the Eastern Institute for the 1907–08 Academic Year]. Vostochnyy Institut. (In Russian).

Vostochnyy Institut (2009c). *Protokoly zasedaniy Konferentsii Vostochnogo Instituta za 1908–09 akad. god* (1909) [Minutes of Meetings of the Conference of the Eastern Institute for 1908–09 Academic Year]. Vostochnyy Institut. (In Russian).

Yaponskiye narodnyye skazki s shest'yu risunkami v kraskakh i politipazhami v tekste (1903) [Japanese Folk Tales with Six Drawings in Color and Polytypes in the Text]. *Razvedchik*, 648. (In Russian).